

Walentina Masłowa

Białoruś

Современная сетевая поэзия: Интертекстуальность, языковая игра, ирония

Цель данного доклада – дать основные характеристики современной русской сетевой поэзии и показать специфику ее функционирования в культуре.

Культура, по справедливому утверждению Ю.М. Лотмана, есть механизм коллективного сознания, коллективной памяти. Именно коллективное знание задаёт те ориентиры, в соответствии с которыми автор придает тексту определенную структуру, использует конкретный язык, ценности, стереотипы, оценки, которые соответствуют принятым в культуре требованиям.

Чтобы текст вошел в культуру, его должен присвоить социум. При таком подходе культура может быть рассмотрена как унифицированный набор субъективных интерпретаций, по которым имеется консенсус людей – носителей культуры¹.

Поэтический текст живет только в культуре. Меняется мир и культура, меняется и поэзия. Современная поэзия развивается в двух формах – традиционной (журнальная, печатаемая в сборниках, альманахах, выходящая отдельными книгами конкретного автора) и сетевая (в Интернете).

Поэзия традиционной формы представлена чуть ли не сотней имен, среди которых наиболее известными являются М. Айзенберг, Ю. Арбатова, В. Друк, И. Жданов, И. Иртенев, Вс. Некрасов, А. Парщиков, Д. Пригов, Л. Рубинштейн, Т. Щербина, а также более молодое поколение – Сергей Гандлевский, Тимур Кибиров, Максим Амелин (лауреаты поэтического Антибукера) и др.

Критики условно объединяют их в несколько поэтических школ, ведущими из которых с 80-90-х годов XX века становятся концептуализм, ироническая поэзия, метареализм. Для каждой из них характерны свои

¹ В.З. Демьянков, *Доминирующие лингвистические теории в конце XX века*, [в:] *Язык и наука конца XX века*, Москва 1995, с. 245.

средства и приемы выражения художественного образа, свои тропы и поэтические фигуры, хотя есть приемы, присущие им всем. Например, потрясающая примитивизация структуры, композиции и языка, обилие клише и штампов, тавтологии, канцелярита, жаргона, интертекстуальность, постоянные аллюзии с известными классическими текстами. Например, стихотворение Зои Изрохи, в котором она призывает еще шире использовать тавтологию:

Поэт, не бойся тавтологии,
Окольных троп не проторяй.
Пусть негодует критик строгий,
Ты удивленно повторяй:
Какое масляное масло!
Какой на свете светлый свет!
И ты поймешь, как много смысла
Там, где его, казалось, нет...

Стихотворение Т. Кибирова, насыщенное жаргонизмами, есть своего рода протест стереотипизации и тотальной клишированности нашей речи:

Мы говорит не „дИкурс”, а „дискУрс”,
И фрайера, не знающие фени,
Трепещут и тушуются мгновенно...

Сетевая поэзия представлена целым рядом сетевых журналов. Например, журнал „Вечерний гондольер” (<http://gondola.zamok.net>). Произведения, публикуемые здесь, отбираются из сети, для публикации приглашаются авторы, популярные именно в сети. Авторы в большинстве своем выступают не под своими фамилиями, а под сетевыми псевдонимами – никами. Это тоже неременное условие сетевой поэзии.

В Интернете есть также сайт <http://www.vavilon.ru>, где представлено более 250 поэтов, это своеобразная антология русской поэзии, еще один сайт: <http://www.stihi.ru> <http://www.stihi.ru>. Он был создан в 1999 г. Дм. Кравчуком. Здесь более 700 000 поэтических произведений более 30 000 авторов. Сайт ежедневно посещают около 7000 читателей. Таких тиражей нет ни у одного печатного издания. Еще сайты: <http://termitnik.org>; <http://www.poezia.ru>; <http://www.svistok.ru> и др.

Таким образом, сетевая поэзия – это культурный феномен, который требует глубокого осмысления, независимо от того, нравится она нам или кажется ученической и слабой, ибо поражает и числом авторов,

и количеством читателей, а потому не может более не замечаться исследователями.

Главная черта современной поэзии (и журнальной, и сетевой) – интертекстуальность, из-за которой она как бы становится безавторской (так много в ней чужого). Рассмотрим это глобальное явление подробнее.

Интертекст – это введение материала других текстов в саму текстовую субстанцию авторского текста. Цитата в нем уже не выступает в качестве инородного по отношению к авторскому тексту включения, а становится его имманентным компонентом. Сам термин был введен в 70-е годы Ю. Кристевой, но появление его было подготовлено теорией „полифонии” М. Бахтина. Это явление, которое у разных авторов до сих пор названо по-разному: „текст в тексте” у Ю. М. Лотмана, „деструкция” у Жака Дерриды, „текст о тексте” у С. Т. Золяна и т.д. Явление интертекстуальности в настоящее время вызывает большой интерес у исследователей: ему посвящены работы Р. Барта, Ж. Делёза, М. Риффаттерра, К. Тарановского, А. Жолковского, Н. Фатеевой и др. Р. Барт писал: „Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат”², он „строится как мозаика цитат”³.

Итак, современный поэтический текст – это результат бесконечного диалога с другими текстами. Поэт передает нам прецедентные тексты так, как они звучат в нем, как они дошли до него сквозь толщу культуры. Старое деление человечества на поэтов и читателей пополняется третьей категорией – аранжировщиков чужих произведений:

Я помню светлый день в апреле:
Передо мной явилась ты,
Под нежный звон лесной капли,
Вся в облаке душистой прели,
Как гений чистой красоты.
(И. Соловьев)

И здесь уже не пушкинская любовь к Анне Керн, а соловьевская любовь к самому Пушкину, восприятие современного Соловьеву мира сквозь пушкинскую призму, возникает интертекстуальная игра значений.

Такая поэзия не может считаться графоманской, но она становится в значительной мере анонимной, как фольклор. „Но это фольклор

² Р. Барт, *Избранные работы. Семиотика. Поэтика*, Москва 1989, с. 221.

³ Ю.М. Лотман, *Текст в тексте*, [в:] *Труды по знаковым системам. XIV*, Ученые записки Тартуского университета. Вып. 567, Тарту 1981, с. 17.

образованных людей, читавших и Пушкина, и Пастернака, и Цветаеву, - просто у них в душе уже все перемешалось и осталась только любовь к поэзии, точнее, физическая потребность в ней”⁴. Например, в стихотворении популярной современной поэтессы О. Седаковой Бабочка или их две (Памяти Хлебникова) есть такая строка: „Бабочкою, Велимир, или еще короче / мы расцветивали сор”. Здесь слиты воедино три мира – Хлебникова, Набокова и Ахматовой: Велимир – Хлебников, бабочка Набокова, а растущие из сора стихи А. Ахматовой.

Здесь требует серьезного осмысления вопрос, не формируется ли в такой поэзии особая эстетика – эстетика узнавания? Узнавая прецедентный текст, мы испытываем и раздражение и протест одновременно, но они быстро сменяются эстетическими чувствами – удовольствием и очищением души прекрасным, пусть даже получаемыми в несколько непривычной, а потому кажущейся уродливой форме.

Рассмотрим для примера стихотворение Полины Ивановой:

Где, медленно пройдя меж пьяными,
всегда без спутников, одна,
дыша духами и туманами,
присаживаюсь у окна.
И веет древними поверьями
мой эксклюзивный секонд-хэнд,
и челка, травленная перьями,
и „Прима” в пачке из-под „Кент”.
Чтоб незнакомец упакованный
за чаркою очередной,
внезапной близостью окованный,
увидел в барышне сюрной
с физиономией зареванной
не эту мелкую деталь,
но некий берег очарованный
и очарованную даль.

Здесь прямой диалог с А. Блоком в области высокого, очарованной дали, хотя и широко использован сленг, снижающие бытовые детали („Прима”; челка, травленная перьями и др.). Свой текст поэтесса проецирует на экран другого поэтического мира, полемизируя с ним и пародируя его. В этом тексте сталкиваются по меньшей мере два текста, один из которых

⁴ И. Соловьев, *Поэзия как состояние*, „Новый мир” 1996, № 8, с. 234.

по времени предшествует вновь создаваемому. Это создает эффект диалога двух авторских голосов из разных хронологических пластов: один голос (Блока) обгоняет другой, совмещаясь с ним в новой семантической фазе.

С одной стороны, так идентифицируется собственное „Я” поэта, с другой – так оно маскируется. В результате в структуру вновь создаваемого текста вводится более широкий объем пространства поэтической и культурной памяти. А сам интертекст являет собой игру смыслов, порождаемую игрой цитат. Часто интертекстуальная связь в современной поэзии рождает эффект каламбура, иронию.

Что же такое интертекстуальность? Творчество или постмодернистская аранжировка классики? Думается, что и то и другое понимание отчасти справедливо, но, пожалуй, главное здесь в том, что это фундаментальное условие смыслообразования в современной культуре. Современный поэтический текст принципиально невозможен без наслаивающихся интертекстуальных семантик.

Интертекстуальность осложняет процесс общения автора и читателя, ибо эти мономерные интертекстуальные связи могут быть восприняты только очень подготовленным читателем, обладающим значительной культурной компетенцией. Н.А. Фатеева различает читательскую (исследовательскую) и авторскую интертекстуальность. Читательская приводит к более глубокому пониманию текста за счет установления многомерных связей с другими текстами, он в любую минуту чтения может прервать данный процесс и обратиться к тексту-источнику. Авторская интертекстуальность – это способ генезиса собственного текста и постулирование своего „Я” через сложную систему взаимодействия с другими текстами. Однако думается, что такое различие едва ли продуктивно. Ведь автор в процесс творчества может стать и читателем.

Выводы:

1. При появлении такой поэзии само понятие „поэтический текст” требует уточнения. Дело в том, что разнообразные „чужие” элементы вступают в игру с собственно авторскими, что резко увеличивает возможности интерпретации поэтического текста и фактически делает непредсказуемым его дальнейшее восприятие и понимание.

2. Можно выделить важнейшие признаки, формирующие аспекты современной поэтики, которые можно разделить на две группы:

– языковые: ирония, тавтологичность, отрицание стандарта, полистилистика. Так современные поэты берегут язык от омертвления;

– текстовые: цитатность, интертекстуальность, моделирование гипертекстов, отношение к миру как к тексту.

3. Если в начале XX века авторы стремились растворить чужие тексты в своем, спрятать их, то в начале XXI века они, наоборот, резко выпячивают „чужое” в рамках своего текста.

4. Из простого приема в начале XX века интертекстуальность становится общекомпозиционным принципом. Как сказала Н.А. Фатеева: „Литература все более становится не литературой о жизни, а литературой о литературе”⁵.

Streszczenie

W referacie dokonano analizy współczesnej rosyjskiej „poezji w sieci”, wyodrębniając oraz określając jej specyfikę, a także funkcjonowanie w przestrzeni kulturowej. Szczególną uwagę zwraca się również na intertekstowość jako zjawisko typowe dla literatury współczesnej.

Summary

Modern net poetry: intertextuality, language play, irony

In the report the analysis of modern Russian net poetry was made. It separated and defined its speciality and function in cultural space, paying particular attention to intertextuality as a phenomenon typical for the modern literature.

⁵ Н.А. Фатеева, *Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов*, Москва 2000, с. 31.